

Японский фольклор

В японском фольклоре нет как таковых сказок, их заменяют легенды, предания и песни. В них часто повествуется о комичных и неестественных персонажах или ситуациях, а также зачастую упоминаются различные сверхъестественные существа такие как: Ками, ёкай, юрэй, драконы, животные со сверхъестественными способностями: кицунэ, тануки, мудзина, бакэнэко и баку.

Японский фольклор зачастую разделяют на несколько категорий: мукасибанаси — предания о деяниях прошлого; намидабанаси — грустные истории; обакэбанаси — рассказы об оборотнях; онгаэсибанаси — предания о благодарности; тонтибанаси — остроумные истории; варайбанаси — юморески истории; и ёкубарибанаси — рассказы о жадности. Также к фольклору относят юкар и другие устные предания и эпосы айнов.

Сверхъестественные существа из преданий

Ками — в **синтоизме** духовная сущность, бог. Ками именуются божеества неба и земли, описанные в древних писаниях. Также ками могут именоваться люди, птицы, звери, поля и любая другая природа, обладающая исключительными качествами, внушающими трепет. При этом исключительность может подразумевать как положительные, так и отрицательные качества.

Ёкай — сверхъестественное существо **японской мифологии**. В японском языке слово «ёкай» имеет очень широкое значение и может обозначать практически все сверхъестественные существа японской мифологии

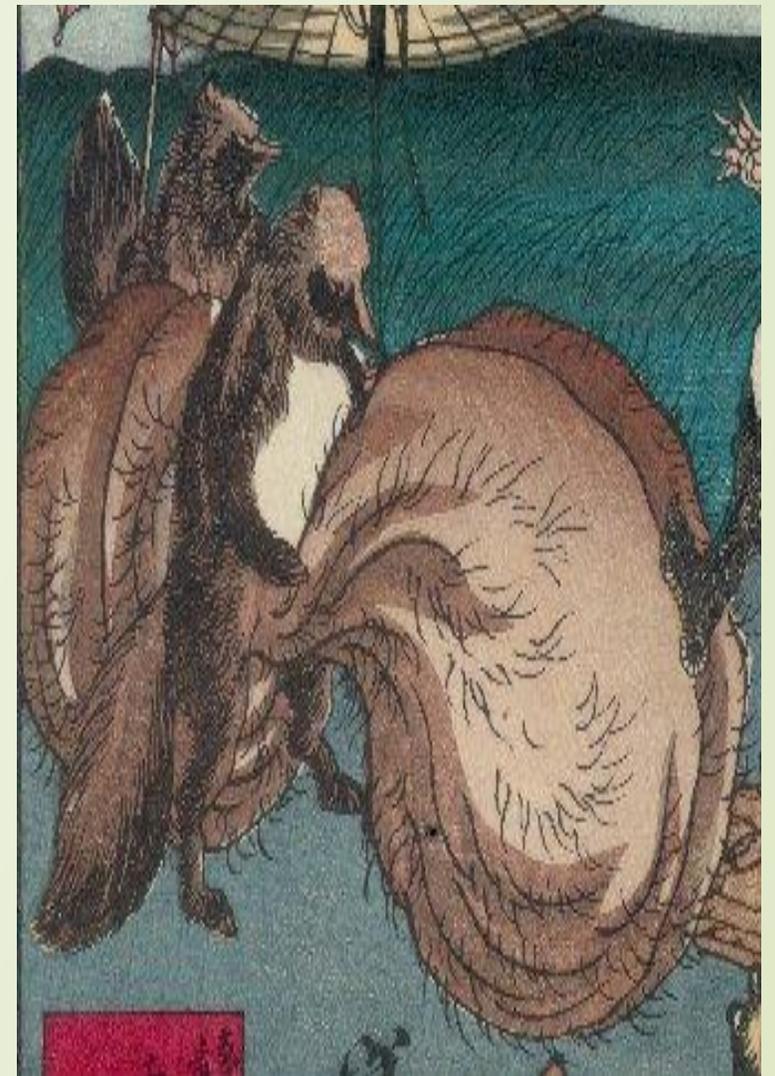
Юрэй — призрак умершего человека в **японской мифологии**. Отличительной особенностью классического юрэй является отсутствие у него **ног**.

Японский дракон — существо из японского фольклора и мифологии. Часто выступает как защитник человечества и хранитель древних мудростей.

Кицунэ — японское существо, полу-лиса полу-человек. По одним легендам злое и беспощадное существо, соблазняющее и убивающее людей, а по другим защитница природы и животных.

Тануки — японские звери-оборотни, символизирующие счастье и благополучие. Обычно описываются в виде енотовидных собак.

Мудзина — так же, как тануки и **кицунэ**, мудзина из японского фольклора является типичным **оборотнем** и обманщиком людей, но в отличие от них, они очень застенчивы и редко контактируют с людьми

Бакэнэко — в **японском фольклоре** это демон-кошка обладающая магическими способностями.

Баку — сверхъестественный персонаж японской мифологии, доброжелательный **ёкай**, поедатель снов и кошмаров.

Самые известные японские предания

- История о Кинтаро, Золотом Мальчике со сверхъестественными способностями.
- История об уничтожившем чертей Момотаро.
- История о Урасима Таро, который спас черепаху и побывал на дне моря.
- История о Иссун Боси — мальчике размером с чертенка.
- История о Токоё, девочке, которая вернула своему отцу-самураю честь.
- Бумбуку Тягама — история о тануки, принимавшем вид чайника.
- История о лисице Тамомо-но Маэ.
- Сита-кири Судзумэ повествует о воробье, у которого не было языка.
- История о мстительной Киёхимэ, которая превратилась в дракона.
- Бантё Сараясики — сказка о любви Окику и девяти блюдах
- Ёцуя Кайдан — история о призраке Оиве.
- Ханасака Дзий — история о старике, который заставил увядшие деревья цвести.
- Повесть о старике Такэтори — история о загадочной девушке по имени Кагуя-химэ, которая прибыла из столицы Луны.

Все эти предания очень любимы в Японии и передавались из поколения в поколения. Многие из этих историй легли в популярные японские фильмы, сериалы, манги, ранобэ и другое. И это связано не столько с их популярностью, сколько с уважением японцев к своей культуре и истории.

И хоть все перечисленные выше предания очень популярны, есть одна которую любят значительно больше чем другие.

Это «История об уничтожившем чертей Момотаро»

Момотаро — популярный герой японского фольклора. Его имя переводится как «персиковый мальчик».

«Момотаро» также является названием различных книг и фильмов, описывающих историю этого персонажа.

Давным-давно в некотором месте жили-были старик да старуха. Вот однажды старик отправился в горы резать хворост, а старуха пошла на реку полоскать белье. Так разошлись они каждый по своим делам.

Было как раз начало лета: толстым ковром стлалась по берегам ярко-зеленая трава; прибрежные ивы свешивали вниз свои зазеленевшие бахромчатые ветви. Все кругом было зелено, зелено так, что глаза разбегались. Время от времени набегал нежным дуновением ветерок, подымая мелкую рябь на поверхности воды и нежно лаская лицо. Хорошо было кругом!

Старуха поставила свое корыто в удобном местечке и, вынимая одну за другой промоченные рубахи и заношенное верхнее платье, погружала их в воду, такую чистую и прозрачную, что ясно можно было видеть, как выскакивали из-под камешков форели. Только и слышно было: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!

Вдруг выше по течению реки бухнул в воду преогромнейший, с копну почти величиной, персик и, раскачиваясь, пеня воду, поплыл по реке вниз.

— Какой прекрасный персик! — сказала старуха, увидев его.— Шестьдесят лет живу я на белом свете, а отроду еще не видывала такого громадного. И вкусен же, должно быть, он. Вот бы хорошо поймать его да сделать подарочек моему деду, — так рассуждала старуха сама с собою и протянула руку, но персика достать не могла.

Оглянулась кругом: как назло нигде нет палки. Старуха задумалась, но вдруг ей пришла в голову новая мысль и, обращаясь к персику, она крикнула:

— Дальняя вода горькая, ближняя вода сладкая. Не ходи в горькие места, иди сюда, в сладкое место! — Несколько раз повторила она это и подставила руки.

И вот удивительное дело! Персик понемногу, понемногу стал приближаться и, наконец, остановился подле старухи.

— Ага, попался: — воскликнула она и живехонько подобрала его. Теперь ей стало уже не до стирки. Кое-как сложила она белье и поплелась домой, захватив персик в охапку.

— Обрадуется же старик, когда придет домой, — подумала она и стала его поджидать.

Наступил вечер; и вот старик идет домой, опираясь на топор, как на трость, навьюченный нарубленным в горах хворостом так, что да же головы не видно.

Завидев его, старуха побежала навстречу.

— О, старик, старик! Ты ведь и не знаешь, что я давно уже ожидаю тебя.

— А что, случилось разве что-нибудь?

— Нет, все благополучно. Я приготовила тебе гостинец. Доволен будешь, когда покажу.

— Вот как! Ты очень внимательна, — сказал старик и, вымыв себе ноги, вошел в дом.

Старуха, с трудом обхватывая персик, поднесла его старику.

— Вот полюбуйся, — сказала она. Увидев его, старик был поражен.

— Вот так персик! Где же ты купила такую штуку?

— Что. Я совсем не покупала его. — И старуха подробно рассказала все как было.

Слушая ее, старик все более и более удивлялся:

— Ну благодарю. А кстати, я проголодался. Давай-ка поскорее перекусим персиком.

С этими словами он принес из кухни большой нож и, положив персик на лоток, совсем уже собрался разрезать его пополам. Только что хотел он сделать это, как вдруг, неслыханное дело, изнутри персика раздался нежный детский голос: «Подожди немного, старик!» В тот же момент персик с треском разделился на две половины, и оттуда неожиданно выскочил совсем еще младенец, мальчик.

Как тут не испугаться. Старик и старуха перетрусили насмерть и, ахнувши, запрокинулись назад. Мальчик стал их успокаивать:

— Не пугайтесь, не пугайтесь. Я вовсе не страшное чудовище. Я спустился сюда по велению небесных богов.

Вы оба горевали о том, что у вас до сих пор нет детей; боги прониклись жалостью и пожаловали вам меня.

Примите меня как своего ребенка и воспитывайте.

Вот что говорил он им чистым звонким голосом. Как было не обрадоваться старику и старухе, когда они услышали это. Уже давно горевали они о том, что они стары, а детей у них все нет; и вот совершенно неожиданно небо дарует им такого прекрасного ребенка. Какая неопиcуемая радость! Они не знали, что им делать, хлопать ли в ладоши, танцевать ли, и чуть с ума не сходили от радости. Старики стали воспитывать этого ребенка, которому дали имя *Момотаро*, так как он вышел из персика, и нежно любили его, как любят бабочек, как можно любить цветы. Идут дни за днями, месяцы за месяцами, летит быстрокрылое время, и вот Момотаро исполнилось пятнадцать лет.

Как у ниспосланного небом, у него не могло быть, конечно, недостатков, ни телесных, ни духовных. Телом он был красив, духом мужествен; кроме того, он обладал громадной физической силой; одним словом, это был богатырь, превосходивший всех и ставший уже сильным, красивым и доблестным мужчиной. Старик и старуха не могли нарадоваться.

Однажды Момотаро обратился к старику:

— Отец! Случайно вышло, что ты стал мне отцом, а я тебе сыном. Долгие годы и месяцы воспитывал ты меня. Беспредельна милость твоя; она выше горы, на которой косят траву, она глубже реки, в которой полощут белье. Я не знаю, как и выразить мою благодарность, — говорил Момотаро.

Старик смутился:

— Что ты, что ты! Можно ли говорить о такой безделице? Разве есть что-нибудь удивительнее в том, что дети пользуются заботами и расположением родителей? А мы ведь стали тебе родителями, а ты нам сыном. Когда ты вырастешь, то в воздаяние за наши заботы, ты будешь печься о нас обоих. Мы дали тебе не больше, чем получим от тебя. А что теперь ты толкуешь о благодарности, так ты этим только огорчаешь меня.

— А затем есть у меня одно дело, о котором боюсь и сказать, ибо неловко говорить об этом теперь, когда я еще ничем не воздал за оказанные мне милости. Есть у меня к тебе просьба, не откажи выслушать ее.

— Ты не похож на других людей, и твою просьбу я выслушаю.

— Так вот, прошу тебя, пожалуйста, отпусти меня теперь из дома.

— Что, — отпустить?

— На время только. Я скоро вернусь.

— А куда же ты решил отправиться?

— Ты не поверишь, даже если я расскажу тебе все подробно. На северо-востоке нашей Японии далеко-далеко в беспредельном океане есть остров, на котором живут черти. Злы и непокорны эти черти. Они не только не исполняют повелений наших божественных правителей, но, напротив, совершают еще набеги на нашу страну, эту прекрасную равнину бамбука, уводят и пожирают людей, расхищают добро. Нет на свете ничего ненавистнее их, и теперь пойду я на них походом, сокрушу это отродье одним ударом и верну назад все награбленные ими сокровища, которых они накопили бесчисленное множество. Пожалуйста, разреши мне это, убедительно прошу тебя, — горячо говорил Момотаро, открывая старику все свои заветные планы.

Слушая его, старик удивлялся его смелым не по годам речам и в то же время надеялся, что Момотаро, такой богатырь на вид, да к тому же посланец неба, во всяком случае останется невредим. Хлопнув себя по коленям, он сказал:

— Удивительно! Как же могу удержать я тебя, когда ты говоришь такое. Я отпущу тебя, как ты просишь, но ты поскорее доберись до этого острова чертей, уничтожь их, прекрати несчастье и успокой нашу страну.

Момотаро был очень рад, что старик так легко согласился, и стал благодарить его. От радости мужество его увеличилось в десять раз и, не откладывая в долгий ящик, он с этого же дня стал готовиться к походу.

Старик принял на себя хлопоты по снабжению его продовольствием на дорогу. Он принес давно уже припасенное им просо, поставил па полу в кухне большую ступку, и оба они, вместе со старухой, постукивая пестами, начали толочь просо, чтобы сделать из него колобки.

Но вот уже и колобки спели. Момотаро наладил свое дорожное платье. Вот он сейчас отправится в поход. Тяжелое дело разлука! Слезы стали туманить глаза стариков.

— Смотри же, будь осторожен, — говорил один.

— Благополучно возвращайся. Уж как мы ждать тебя будем, — добавляла другая.

А голоса у обоих так и дрожали. Момотаро тоже был потрясен.

— Ну, я иду. Счастливого оставаться. Прощайте, прощайте, — а дальше и не мог уже сказать ничего и, оборвав свою речь, пошел из дому. Долго еще вслед ему смотрели старик и старуха; долго еще оглядывался Момотаро...

Распростившись со стариками, Момотаро быстро пошел вперед и вперед по дороге. Но вот солнце стало на полдень, и Момотаро почувствовал голод. Присев на корни дерева подле дороги, он вынул просяной колобок и начал его жевать. Вдруг из расстилавшейся перед ним покрытой травой равнины показался огромный пестрый пес величиною с доброго теленка. Приблизившись к Момотаро, он уставился на него и, оскалив клыки, начал грозить:

— Гам, гам! Что за непрошенный гость? Как смеешь ты ходить здесь по моим владениям, владениям князя *Бути*. Отдай сейчас же мне всю снедь, которую ты ешь, а сам убирайся. А не послушаешь, так я тут же изгрызу тебя всего. Гам, гам! Гам, гам!

Момотаро засмеялся:

— Что ты городишь такое, захудалая собачонка! Я ведь иду войной на Чертов остров для блага нашей страны. Я — Момотаро. Если ты станешь препятствовать мне, то не жди пощады. Я сам разрублю тебя надвое с головы.

Тут пес словно опомнился. Поджав вдруг свой хвост, сделавшись совсем маленьким, он припал к земле и сказал почтительно:

— Я слышал раньше, что есть такой Момотаро, и теперь по незнанию только позволил себе говорить грубо с тобою. Прости, пожалуйста!

И, склонив свою голову к земле еще ниже, он продолжал.

— Так ты идешь походом на Чертов острове, прикажи мне следовать за тобою под твоим началом. Это будет для меня величайшим счастьем.

— Что ж! Если ты так желаешь, то я согласен взять тебя с собою.

— Как ты обрадовал меня тем, что сразу согласился. Ну а затем... Я тоже сильно проголодался. Удели мне, пожалуйста, одну штучку из тех, что ты ешь.

— Это лучший во всей Японии колобок; целого я не могу дать тебе, а половину дам.

— Благодарю.

Тут Бути получил половину колобка и стал вассалом Момотаро. После этого они быстро зашагали по дороге. Шли они горами, шли они долами, и все продвигались да продвигались вперед. Но вот однажды, когда они шли, с дерева, стоявшего у них на пути, соскочило вдруг с шумом какое-то животное и пало ниц перед Момотаро.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Момотаро! Ты идешь походом; пожалуйста, возьми меня с собою, — заговорило оно, но Бути, не дослушав до конца, злобно вытаращил глаза и залаял:

— Вассалом у Момотаро — я, Бути. Разве ты, горная обезьяна, годна на что-нибудь в бою? Убирайся сейчас же отсюда, чтобы и следа твоего не было! Гам, гам! Гам, гам! — и он хотел вцепиться в обезьяну зубами.

Обезьяна, у которой испокон веков идет вражда с собакой, тоже не стала молчать:

— Что ты зазнаешься так! — крикнула она, готовая схватиться за рукоятку меча...

Но меча у нее не было, и вместо этого она оскалила зубы и изогнула когти. Немного еще, и тут началась бы схватка, но вмешался Момотаро и развел их.

— Эй ты! погоди, куда лезешь? А ты, Бути, тоже успокойся.

— Напрасно это, — сказал Бути. — Эта горная обезьяна только опаскудит твою светлость.

— Ладно, это тебя не касается, — сказал Момотаро, удерживая Бути в стороне; затем обратился к обезьяне:

— Ну, говори, что ты такое?

Обезьяна почтительно сложила обе лапы и сказала:

— Я живу в этих горах и называюсь *Масира*. До меня дошли слухи, что Момотаро идет войной на Чертов остров, и я непременно желаю отправиться вместе. Извини, что я явилась без приглашения, но, пожалуйста, исполни мою просьбу: повели мне с сегодняшнего дня быть твоим вассалом; ты осчастливишь меня этим.

— Так ты говоришь, значит, что желаешь принять участие в моем походе на Чертов остров?

— Да, если будет твоя милость.

— Ну я удивляюсь тебе. Намерение твое похвально. Вот тебе половина лучшего в Японии коlobка. Я принимаю тебя в свои ряды. — С этими словами Момотаро дал Масира оставшуюся после Бути половину коlobка и сделал ее своим вассалом.

Так как Бути и Масира относились друг к другу далеко не дружелюбно и, случалось, затевали иногда драку, чем доставляли Момотаро немало хлопот, то в конце концов пришлось отделить их друг от друга, чтобы они не могли ссориться. Момотаро поручил Бути нести знамя и выслал его вперед авангардом, а Масира он сделал своим оруженосцем и заставил идти за собой. Сам же он шел между ними, обмахиваясь восточным веером в металлической оправе. Так продолжали они свой путь без всяких происшествий.

Но вот однажды, когда они вступили в травяную равнину, неожиданно выскочила из-под ног у них какая-то птица. На ней была красивая одежда из перьев пяти разных цветов, а на голове ярко-красный хохолок.

Лишь только увидел ее Бути, как кинулся немедленно вперед, бормоча что-то про себя, и уже хотел, было, сразу схватить ее, но птица оказалась не из трусливых; она быстро изготовилась к бою; сжав и выставив свой клюв, расправив когти, она высматривала только удобное местечко, чтобы клюнуть Бути насмерть.

Момотаро видел все это, и птица показалась ему очень занятой. Он подумал, что она могла бы сослужить ему службу, если сделать ее своим соратником. Быстро подбежал он к ним и, удерживая буйного Бути, обратился к птице нарочно грозным голосом:

— Что ты такое, что решаешься чинить препятствие моему походу? Если ты сейчас же подчинишься мне, то я сделаю тебя своим вассалом, но если ты вздумаешь дальше препятствовать мне, то я напущу на тебя вот этого Бути, и он раздробит твою башку в куски, — грозно сказал Момотаро.

Услышав это, птица перепугалась и тут же пала ниц:

— О, я давно уже слышал, что есть Момотаро. Я, ничтожный фазан, называюсь *Кигису*, живу в конце этого поля. Я не знал, что здесь изволит проходить такой великий воин, и безрассудно затеял ссору с благородным господином псом, беспокоив всю твою свиту. Но ты, великодушный и благородный Момотаро, не только не наказал меня за эту грубую выходку, а напротив, говоришь еще, что простишь мне мою вину, если я подчинюсь тебе. Как же я могу противиться тебе: Как ты изволишь приказывать, я совершенно подчиняюсь тебе. Повели, пожалуйста, мне, ничтожному, быть твоим соратником наравне с господином псом и этой госпожой обезьяной, почтительно и убедительно прошу тебя, — смиренно говорил фазан.

Момотаро улыбнулся в сторону.

— Что скоро принес повинную, за это хвалю. Мало того, беру тебя с собою в поход на Чертов остров с псом и обезьяной; смотри же, служи верой и правдой.

— Слушаю, — отвечал фазан. Тут выступил опять Бути.

— Так значит эта тварь будет твоим соратником?

— Ты что это? Опять за свое? Я беру себе в товарищи кого хочу. Не твоего ума это дело.

— Слушаю.

— Знайте, вообще, что первое правило на войне — это согласие между соратниками. Небом посылаемые явления: тепло, холод, дождь, снег не так важны, как те преимущества, которые дает земля (складки местности, высоты и т. п.), но, в свою очередь, и выгоды земли не так важны, как согласие между воинами. В воинских правилах говорится, что если между воинами царит разногласие, то трудно победить врага, как бы он ни был слаб. Так вот, с нынешнего дня вы все трое будьте как один, и заботьтесь о том, чтобы между вами были мир и согласие. Если же, паче чаяния, между вами начнутся ссоры и пререкания, то я тут же прогоню виновного.

С почтением и страхом выслушали все трое это строгое воинское приказание и, пообещав, что отныне они будут относиться друг к другу с уважением, что между ними не будет ни ссор, ни споров, они крепко поклялись в этом.

После этого Кигису вступил в ряды воинов. Он был очень доволен, когда получил половину колобка, и с радостью в душе последовал в арьергарде отряда. Великое дело авторитет полководца. Животные стали очень дружны между собою и в точности выполняли все приказания Момотаро. Все войско поспешно двигалось вперед.

Чем больше спешили они, тем дальше и дальше продвигались, и вот дошли уже до самого моря. Куда ни глянь, всюду одно только беспредельное, пустынное, унылое море, нет даже маленького островка, чтобы было на чем остановиться глазу. С буйным рокотом набегают на берег грозные волны и, ударившись об него, с яростью отскакивают назад, и кажется, что какое-то чудовище, живущее на дне моря, подымает и волнует всю эту силу воды. Бути, Масира, Кигису, все трое, привыкли жить на суше, и, как ни круты и опасны были горы, как ни глубоки и обрывисты были долины, они ничуть не боялись, но, когда они подошли к этому громадному, бурному морю, которое видели первый раз в жизни, они почувствовали страх. Остановившись у самой границы прибоя, они не говорили ни слова и только молча поглядывали друг на друга.

Заметив это, Момотаро нарочно заговорил суровым голосом: — Что смутились, воины? Моря разве испугались? Ну если так, то вы жалкие, слабые насекомые. Если у вас нет мужества, то нечего и думать добраться до Чертова острова, затерянного в

далеком море. Лучше отправиться мне одному, чем вести с собою таких бесполезных товарищей. Я вас отпускаю. Ступайте назад, скорее, скорее.

Такие речи поразили вассалов, и они стали цепляться за Момотаро.

— Это ужасно с твоей стороны, Момотаро!

— До сих пор вместе с тобою переносили все невзгоды...

— Прогнать нас теперь... У тебя нисколько нет жалости...

— Что нам бурное море! Что нам скалы, скрытые в глубине его!

— Никогда и ничего не испугаемся мы!

— С тобою до конца...

— Убедительно просим! — упрашивали они все трое Момотаро в один голос. Откуда и мужество взялось.

Момотаро заметил это:

— Ну хорошо, я беру вас с собою. Смотрите только, не зевать мне! — И, ободряя своих соратников, он скорехонько снарядил лодку и пустился в путь по соленым волнам глубокого моря.

Как раз задул попутный западный ветер. Парус натянулся, как кожа на барабане, и ладья, пеня морские волны, полетела на восток с быстротою стрелы. Берег, на котором они только что были, стал заволакиваться туманом, и скоро его стало совсем не видно.

Сначала трое животных, соратники Момотаро, потрухивали, но вскоре они привыкли и перестали бояться.

Каждый день выходили они на нос лодки и только и были заняты тем, что высматривали, не видно ли уже Чертова острова. Наконец, чтобы избавиться от скуки, они стали рассказывать, чем каждый мог похвалиться, и изо всех сил старались блеснуть каждый своими талантами. Пес становился на задние лапы; обезьяна показывала свое искусство передразнивать; фазан тоже не хотел уступить и громко распевал свою веселую песню: «Кен-кен, хоро, хоро». Все это веселило даже Момотаро, и он часто забывал скуку дальнего пути. Когда дул попутный ветер, они ставили парус, и ладья их летела еще с большей быстротой. И вот, как-то сразу, вдруг показался впереди Чертов остров. С моря видна была гладкая, словно резцом отесанная, скала, а на ней

сплошная, кругом идущая железная ограда с железными воротами. Внутри ограды разбросаны были громадные многоэтажные здания, крытые железной черепицей; между ними развевалось бесчисленное множество знамен. Крепость эта была силы необычайной.

Став на носу и поставив щитом над глазами руку, всматривался Момотаро в крепость. Вдруг, вспомнив что-то, он поманил к себе Кигису, почтительно ожидавшего сзади.

— Твои крылья как разгодились кстати. Лети сейчас отсюда вон туда и сделай так, так и так...— Момотаро дал ему подробное наставление.

— Слушаю, понял, — отвечал фазан и тут же, не снаряжаясь долго, смело полетел, куда было приказано. Быстро летел вперед Кигису, получив приказание полководца, и, опустившись вдруг на крышу замка как раз посреди Чертова острова, захлопал крыльями и громким голосом закричал:

— Эй вы, черти, живущие на этом острове, выслушайте хорошенько, что я вам скажу! Сейчас изволил прибыть сюда, чтобы покорить и наказать вас, славный военачальник великой Японии Момотаро, ниспосланный небесными богами. Если вы дорожите своей жизнью, то поскорее сломайте свои рога, выдайте сокровища и проявите покорность; если же вы вздумаете сопротивляться, то сначала я, а затем Бути и Масира, славные воины, примут вас на свои клыки, которыми они так хорошо владеют, и мы растерзаем вас на куски!

Слыша эти речи, негодные черти острова начали громко смеяться:

— Ловок же ты, однако, степной фазанишка! Ну не смешно ли слышать, что ты толкуешь о наказании. А ну-ка понюхай, чем пахнет эта железная палица,— и в то же мгновение один из чертей кинулся неожиданно к Кигису и ахнул железной палицей с такой силой, что мог бы обратить его в пыль. Но не робок был Кигису.

— Ах ты хвастун! — воскликнул он, быстро увернувшись от удара. Сжав свой клюв, клюнул он черта в самое темя и уложил его на месте одним ударом.

Тогда на него кинулся с палицей красный черт. Кигису клюнул его и проломил ему грудь. Затем одних из нападавших начал он бить своими когтистыми лапами, а других пронзать клювом. Таким образом, начал он бой с большим успехом.

Тем временем Бути и Масира быстро высадились на сушу и, разбив железные ворота главного портала, с криком ворвались в крепость.

Сначала черти думали, что у них один только неприятель, Кигису, но когда Бути и Масира, еще двое воинов, стремительно ворвались, как львы, в крепость, то они поняли, что дело приняло очень серьезный оборот, несмотря на то, что они черти. Сейчас же были отданы разные приказания, и черти, красные, зеленые и черные, разделившись на три отряда, стали обороняться до последней крайности. Их страшный воинский клич потрясал берег и смешивался с шумом ревущего моря. Казалось, что разом рушатся и небо, и земля, и было так жутко, так страшно, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Но обороняющиеся были застигнуты врасплох, а нападающими заранее были приняты все меры, и чем больше прибавлялось силы у нападающих, тем более слабели обороняющиеся. Наконец черти не в силах были сопротивляться и обратились в бегство. Одни из них падали в море и тонули в нем, другие разбивались, падая на скалы, а те, которые избежали этого, попадали под удары Бути, Масира и Кигису. Не счесть даже, сколько их было перебито.

В конце концов на Чертовом острове остался в живых только один начальник, Большой черт. Видя, что сопротивляться невозможно, Большой черт бросил свою палицу, сам сломал свои рога и, представ вместе с сокровищами пред Момотаро, распластался перед ним на земле, как паук.

— Страшна твоя сила и мощь, Момотаро! Можно ли противиться им? С нынешнего дня я исправлюсь и буду совершенно покорен, пощади только мне жизнь, — униженно молил он, обливаясь потоками слез.

Момотаро презрительно рассмеялся:

— Ты молишь пощадить жизнь. Не к рылу тебе такие слабость и малодушие. Но на тебе лежит большая вина. Много вреда наносил ты людям в течение долгих лет. Как же можно оставить тебя в живых?! Отсюда я поведу тебя в Японию, там, как полагается по закону, отрубят тебе голову и выставят ее напоказ, как черепицу на крыше. Знай, тебе не избежать этого.

Затем он тут же приказал связать его веревками и сдал под караул Масира. Потом приказал Бути и Кигису сложить в большой ящик и снести в лодку добычу — сокровища: плащ-невидимку, шапку-невидимку, волшебную колотушку бога счастья, Дайкоку, от каждого удара которой получается золотая монета, драгоценные кораллы и жемчуг, а затем, сев опять в лодку, они поплыли обратно, и Момотаро благополучно вернулся из похода.

Очень обрадовались старик и старуха, поджидавшие его с нетерпением, даже слов не хватает, чтобы описать их радость... И зажили теперь они счастливо и богато.

A large, vibrant red sun is partially hidden behind a dark, jagged mountain range. The mountains are covered in snow, and the foreground is a dark, textured sea. The overall scene is dramatic and evokes a sense of mystery and depth.

Японский фольклор отличается от того, что знакомо нам, но это не делает его менее интересным. Если окунутся в эту культуру более углубленно, то можно понять, что весь японский фольклор это интересные и поучительные истории с глубоким смыслом.